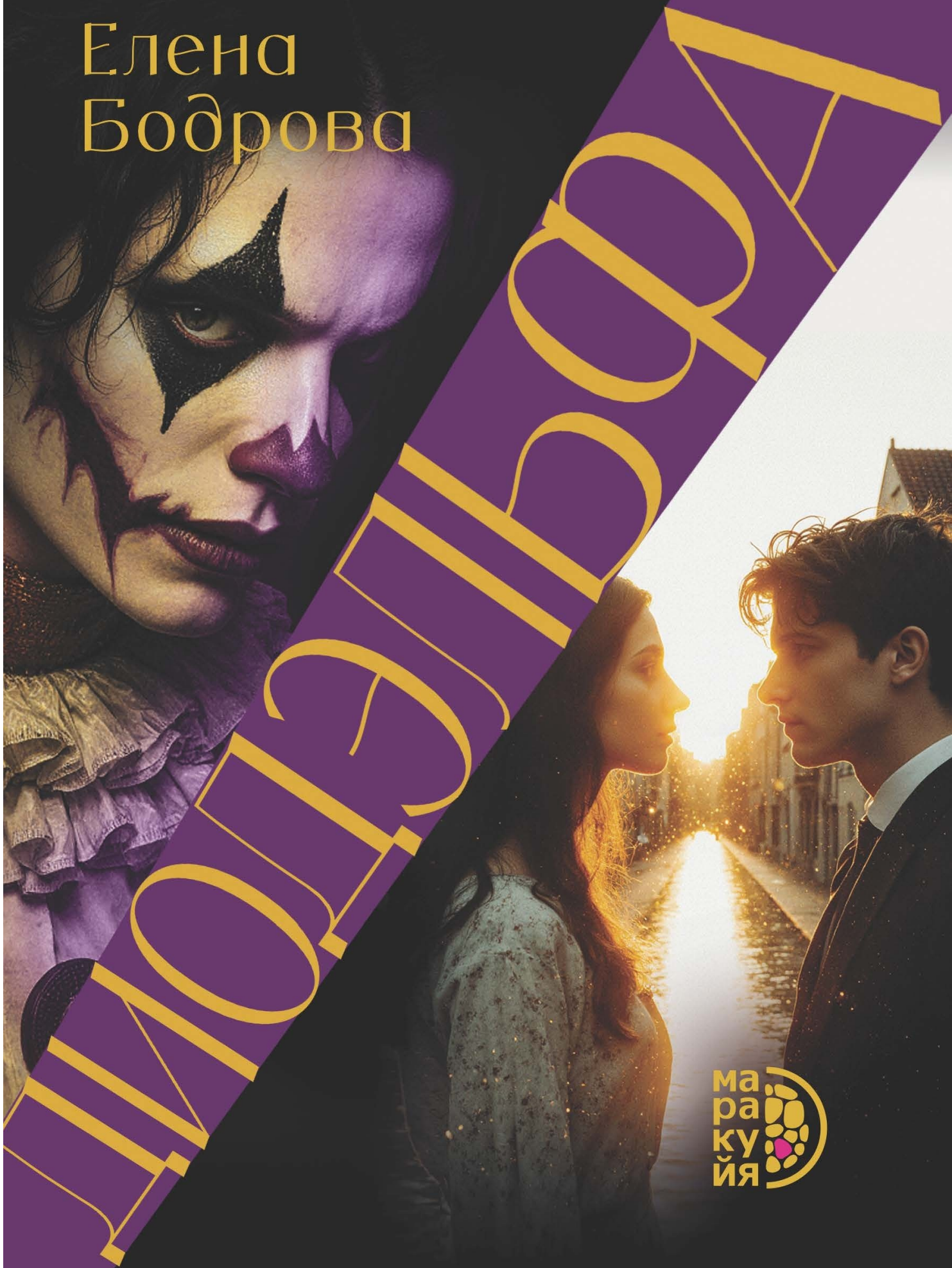

Л Ю Б О В Ь К У К Л Ы

Елена
Бодрова

ма
ра
ку
йя

Маракуйя/Роман

Елена Бодрова

Диодэльфа. Любовь куклы

Издательство «Детская литература»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бодрова Е. Э.

Диодэльфа. Любовь куклы / Е. Э. Бодрова — Издательство
«Детская литература», 2026 — (Маракуйя/Роман)

ISBN 978-5-08-007658-9

Несколько лет назад в жизни Пии произошло страшное событие: выполняя опасный трюк, ее ученик – странный, невыносимый, опасный Вернан Люц! – сорвался с высоты. Пиа тяжело перенесла эту трагедию и теперь старается жить дальше: переехала в живописный город Бэл, работает почтальоном. А еще она собирается замуж. Но однажды едва наладившийся мир дает трещину: Пиа получает письмо от Люца и не понимает, когда он его написал – до падения или... после?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007658-9

© Бодрова Е. Э., 2026
© Издательство «Детская
литература», 2026

Содержание

Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Бодрова Диодэльфа

© Елена Бодрова, текст, 2026

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2026

*Спешите видеть!
Только одно представление в городе Мист!
Цирк уродов Тьяволины покажет
уникальный номер:
таинственный человек-кукла сегодня
женится на девушке из зала!
Да, да, у тебя все в порядке со зрением:
Дио женится прямо на цирковой арене!
Кого же он выберет? Может быть, тебя?
Или вон ту девушку в синем платье?.. Что-что?
Ты сама хочешь стать невестой загадочного Дио?
Тогда скорее покупай билет, ведь прекрасный
и невероятный Дио выберет себе невесту уже
сегодня.
Непусти свой шанс!*

В воздухе повис след от звона колокольчика. Пахло сладкой ватой, пряными рыжими капюцинами и вечерним туманом. Публика толпилась у шатра, вертя в руках желтые квадратики билетов.

Девушка в темной длинной накидке с капюшоном, наброшенным на голову, продвигалась сквозь толчею ко входу. Ее окликали, призывали встать в очередь, но она не обращала внимания на окрики. Вскоре она занырнула в шатер, миновав гудящую толпу. Проверяющий билеты юноша вопросительно поглядел на девушку, та показала билет и поспешила пройти дальше: директор цирка Тьяволины наказал искать его за рядами зрительских кресел. Кажется, он в прошлую встречу назвался Тьяром. Девушка направилась вдоль арены. А что, если она прямо сейчас увидит Дио?.. Нет, вряд ли ей повезет настолько. Но вот во время представления – обязательно. Она станет той единственной, которая...

– Я сниму с него маску и поцелую его. Боже, я его поцелую, – прошептала девушка. И в тот же миг она заметила Тьяра. Он стоял к ней спиной, беседовал с человеком небольшого роста с чересчур узким лицом.

За бордовым занавесом раздавались звуки настройки музыкальных инструментов.

– Здравствуйте, – сказала девушка, но из-за шума Тьяр не услышал ее. Тогда она легонько коснулась его плеча.

Тьяр медленно обернулся. Взгляд выдавал недовольство, что до него дотронулись, но на лице растянулась вежливая улыбка. Девушка неловко улыбнулась в ответ.

– Здесь шумно, вот я и... Здравствуйте.

– Здравствуйте, – проговорил Тьяр нараспев.

Еще в первую встречу у нее возникло противоречивое чувство от общения с ним: он старался казаться приятным, но вызывал при этом безотчетную тревогу. Надо лишь чуть-чуть потерпеть его общество – и сбудется ее мечта. Благодаря Тьяру она скоро увидит лицо Дио! Того самого Дио, ради которого девушки толпами ходят на представления цирка уродов Тьяволины.

Она в который раз задумалась о том, как такой красавец Дио попал в цирк уродов. Может, у него обезображено лицо? Даже если так, она его все равно поцелует.

Дио занимает ее мысли вот уже несколько месяцев, с тех пор как она впервые увидела его на арене в родном городе Сойлусе. Затем она поехала в соседний Вильм следом за трупшой, чтобы еще раз взглянуть на Дио. Потом были другие города. После небольшого путешествия она вернулась домой, но никак не могла забыть Дио, хоть и пыталась. Уговаривала себя, что это всего лишь артист цирка. Он – тот, кто веселит публику. Отец всегда считал артистов низшим сословием, и она соглашалась с ним. До недавнего времени. Дио оккупировал ее мысли, начал приходить во сне... И вот она здесь. И ее ждет кое-что большее, чем цирковое представление. Она увидит его лицо и наконец решит эту задачку – имеется ли у Дио изъян, как у других артистов цирка уродов Тьяволины. Разгадка рядом, осталось лишь...

– Серп, можешь идти. – Тьяр махнул ладонью притаившемуся за его спиной пареньку так, словно отогнал муху. Тот моментально скрылся за занавесом.

– Деньги у вас при себе?

– Да, да... – Девушка суетливо приподняла поясную сумку и похлопала по ней. Затем затараторила: – Вы ведь помните, что я сорву маску? Я не просто невеста, я та единственная, кто увидит его лицо.

– Как только появится цветной дым, у вас будет не больше минуты, чтобы сорвать с Дио маску.

– И поцеловать его, – вставила девушка.

– Если удастся, – с тонкой улыбкой прошелестел Тьяр.

– Но вы обещали...

– Куда он денется? Поцелуетесь. Вы же невеста, а невесту нужно целовать, правильно?

– Правильно, – как болванчик кивнула девушка.

– Главное – деньги. – Тьяр раскрыл ладонь.

Девушка секунду смотрела в его глаза, как загнипнотизированная обезьянка, затем коротко ойкнула и полезла в сумку. Неуклюже выудила оттуда черный пакет с деньгами и протянула Тьяру. Тот медленно, с деланным равнодушием, принял пакет.

– Здесь вся сумма?

– Конечно. А Дио точно не против, что с него снимут маску? Его лица ведь никто никогда не видел. Вы обещали, что договоритесь с ним.

– Уговор есть уговор. Не забудьте: восемнадцатое место на первом ряду. Не перепутайте, иначе Дио женится на ком-нибудь другом. – Тьяр коротко усмехнулся и, не прощаясь, скрылся за занавесом.

В зал начали прибывать люди. Девушка запаниковала, что ее место займут, встрепенулась и поспешила найти кресло с числом «восемнадцать» в первом ряду. Оно оказалось крайним возле одного из проходов. Наверняка для того, чтобы Дио смог легко обнаружить ее, не пересчитывая кресла.

На протяжении всего представления она с трудом могла сосредоточиться на номерах. Дио ожидался в конце программы. Из-за волнения она воспринимала все как-то обрывочно. Громкая музыка, навязчивый сладкий аромат сахарной ваты, ангельский голос артистки с устрашающим лицом и грузным телом.

Она волновалась все больше. Нервно теребила билет – он истрепался по краям и обмяк. Номера пролетали один за другим. По арене полз сценический дым. Он стелился, как пущенная по ветру свадебная фата. Проекторы окрашивали дым то в желтый, то в красный, то в фиолетовый цвета.

Барабанная дробь испугала ее. Девушка почти поверила, что это сердце выскочило из груди и бьется у всех на виду.

– Вы ждали этого! – прогремел голос.

Девушка оглядела арену, бросила взгляд на занавес. Голос раздавался буквально ото всюду. Почему-то она не заметила такого эффекта, когда он объявлял другие номера. Ей захо-

телось увидеть конференсье – как может выглядеть обладатель такого голоса? Или она просто пыталась отвлечь себя этими незатейливыми мыслями? Ведь еще секунда – и...

– Человек-кукла, неподражаемый Дио, сегодня и прямо сейчас выберет себе невесту из зала!

Зрительницы пронзительно заверещали. Все, кроме той, что сидела на восемнадцатом месте. В то время как остальные слепо надеялись стать невестой, она точно знала, что станет ею.

Звук колокольчика возник в образовавшейся тишине.

Белый дым опустился на арену и через несколько мгновений рассеялся.

Зал внезапно переполнился шквалом аплодисментов и выкриками. И только тогда она поняла, что Дио уже стоит в центре арены. Весь в черном, в окружении алого: софиты поменяли свой цвет на яркий винный оттенок.

Послышалась далекая песня той самой женщины с неподходящей внешностью. Песенка звучала наивно и возвышенно, голос взбирался на тонкие звуковые вершины. Он точно парил в воздухе.

И та, которой предстояло стать невестой Дио, вдруг подумала: какая трагедия – иметь огромное уродливое тело и тончайший, красивейший голос. Без этого тела голос воспринимался как дар, а с ним – как проклятие.

Это и есть уродство? Но разве это оно? Разве такое несоответствие не усиливает красоту?

Девушка не разбирала слов песни, наслаждалась мелодией и тем, как музыка гармонично переплеталась с образом Дио. Он развел руки в стороны и поклонился публике трижды – левому сектору, правому сектору и в середину зрительного зала. Движения его были намеренно угловатыми, как и всегда, – ведь он кукла. На лице – деревянная маска с прорезями для глаз и нарисованными улыбающимися губами. Лицо было явно не по характеру этому человеку, и механизированные движения тела также не выражали его сути. И тем не менее, несмотря на весь маскарад, угадывалась в нем энергетика, заставляющая следить за каждым жестом, каждым шагом.

Голос, скрытый занавесом, продолжал говорить:

– Кто же станет невестой Дио?

Дио не спеша скользил взглядом по лицам. Когда его глаза встретились с ее глазами, она готова была поклясться, что они блеснули так, словно молния на миг осветила тучу. Но его взгляд двинулся дальше, и будущая невеста запаниковала. Неужели директор цирка обманул и Дио вовсе не в курсе, что должен выбрать ее? Как же это гадко со стороны Тьяра!

– Стать невестой куклы – что может быть трагичнее и прекраснее?

По щеке девушки скатилась слеза.

– Дио, делай свой выбор! Кто же станет твоей прелестной куклой-невестой? – Интонация конференсье взлетела в верхний регистр на последних словах.

Зал ахнул, когда Дио резко развернулся. Послышались отдельные выкрики: «Выбери меня!»

Их взгляды снова пересеклись. Дио поднял вытянутую руку и указал на нее. В первую секунду она даже не сообразила, что произошло. А когда поняла, суетливо стерла слезу со щеки и вскочила с места. Тело плохо слушалось, им будто управляла не она сама, а кто-то другой.

Дио ждал с вытянутой рукой.

– Кажется, Дио сделал выбор. О, прелестная девушка, выходите скорее на манеж!

Она с трудом перелезла через довольно низкий, но широкий бортик арены.

Неужели она сейчас коснется его руки? Неужели еще несколько мгновений – и она увидит его лицо? Нужно лишь заставить пальцы перестать дрожать. Как только их двоих обступят мягкие стены дыма, она должна будет снять с него маску и поцеловать. Сможет ли она справиться с этим дрожащими руками?

Дио приблизился. Она вложила свою ладонь в его, и вместе они прошествовали в центр арены под бурный шум из возгласов ликования и выкриков негодования. Они остановились под светом софитов, и зрители в зале затихли. А затем послышался единый возглас публики. Девушка не понимала, почему люди вскрикнули. Все смотрели вверх. Она тоже подняла взгляд и увидела, что из далекой подкупольной вышины медленно опускается полупрозрачная белая ткань. Фата невесты.

Она представляла себе, как будет глядеть во все глаза на Дио, когда окажется рядом, но на деле будто одеревенела: чувствовала, что он совсем близко, но боялась повернуться и взглянуть. Он больше не держал ее за руку.

Фата опустилась на ее голову. Дио картинно развел руки в стороны, показывая публике, что невеста готова, а сам незаметным движением отцепил от фаты крепление, и тонкий трос поднялся под купол, чтобы не мешать представлению.

Зазвучал ангельский голосок за кулисами, поющий песенку на незатейливый мотив:

*Обними меня тенью своей,
Обними меня болью своей.
Мне не надо чужих ночей,
Мне одна нужна...*

Песня была совсем не свадебной. Ее тонкое, как фата на голове невесты, иллюзорное звучание придавало происходящему зловещий оттенок. Но невеста Дио и так знала, на что шла: все представления цирка уродов Тьяволины имели темный, драматичный флёр.

*Я отдам тебе тысячу лиц,
Забери их, оставь себе.
И средь чистых белых страниц
Напиши на одной: «Тебе».*

Дио не взял ее за руку, как это сделал бы настоящий жених. Более того, он на нее даже ни разу не взглянул. Они стояли очень близко друг к другу, но не соприкасались. Осознание, что все это – постановка, игра, яркой вспышкой возникло в голове девушки, но тут же погасло. Да, это всего лишь цирковое представление. Но тот, кто стоял по правую руку от нее, – настоящий.

За занавесом все пела сладкоголосая женщинагромила:

*Я отдам тебе лунный свет,
Чтоб коснуться губами в ночи
Белизны твоих плеч, щек и век
И навеки уйти...*

В звуки филигранной песни беспардонно вторгся конферансье:

– Бойся, невеста! Свадьба с куклой и тебя саму превратит в куклу! Бойся! Бойся!
Последнее слово подхватил зал. Заглушая тихие напевы, публика скандировала:
– Бойся!

Выви с корнем меня...

– Бойся!

...я не твой, не чужой, я ничей...

Девушка все же осмелилась посмотреть на Дио. Между краем маски и темными волосами виднелась полоска бледной кожи.

*Я уйду, не скорбя,
Я уйду, не любя
Отраженья твоих очей...*

По полу вновь стал расползаться белый дым.
Ее ослепил софит – луч попал прямо в глаза. Она зажмурилась на мгновение.

*Обними меня тенью своей,
Обними меня болью своей...*

Песня резко оборвалась. Повисла тишина. Зрители во все глаза следили за тем, как две фигуры на арене поглощает туман. Одиночный звук колокольчика мягко кольнул замерший дымный воздух.

Невеста медленно повернулась к Дио. Он здесь, он рядом. Почти сбылась ее мечта. Одно движение – и она наконец увидит его лицо!

Дым сделался непроницаемым для взглядов зрителей, и тогда она поднесла руку к кукольной маске...

Лицо Дио не было изуродованным. Оно оказалось красивым: глаза металлического оттенка, черные брови взлет, плотно сжатые губы правильной формы. Почему этот человек никогда не снимает маску во время представлений?

В глазах Дио отразилось замешательство. Дым начинал редеть. Невеста безотчетно подавалась вперед и поцеловала своего «жениха».

Послышался возглас публики. Девушка отпрянула от Дио. Она ничего не почувствовала, словно правда поцеловала куклу. Она растерянно огляделась, но из-за прожекторов, направленных на них двоих, не увидела лиц зрителей. Дым рассеялся, а это значит, что каждый из них сейчас смотрит на лицо Дио. Лицо, которого никто никогда не видел.

Раздались аплодисменты. Зрители решили, что это часть номера. Что Дио намеренно открыл свое лицо.

Дио сумрачно глянул на свою «невесту» и спешным шагом покинул сцену.

«Этого не должно было произойти, – пронеслась в ее голове мысль. – Дио ни о чем не знал. Тьяр не предупредил его!»

На миг ее охватило чувство вины, но оно быстро испарилось. Какая разница! Главное – она видела его лицо. Она поцеловала его. Пусть это был холодный, безжизненный поцелуй, но он был!

Не зная, как поступить дальше, девушка сделала то, что делают в таких случаях все цирковые артисты: поклонилась на три стороны и скрылась за тяжелым бордовым занавесом. За кулисами она никогда не бывала. А теперь выяснила: там нет ничего волшебного. Темно, пахнет затхлостью. Девушка поспешила покинуть цирк.

Ее мечта сбылась, оставив в душе непонятную пустоту. Представление окончено.

* * *

Дио нашел Тьяра рядом с черным ящиком, в котором уже сидела Тьяволина.

– Смотрите-ка, кто у нас тут такой разъяренный пришел! – Тьяр выгнул бровь и улыбнулся уголком рта.

- Тьяр, это никуда не годится!
- Что именно?
- Ты не мог не знать, что она собирается сделать!
- Не хочешь приглушить тон? А то у меня поджилки трясутся – такой ты грозный.
- Я должен был выбрать девушку, сидящую на восемнадцатом месте, и всё! Про маску и поцелуй уговора не было.
- Планы поменялись. – Тьяр скорчил гримасу. – Будь любезен, уйди, отвлекаешь от подготовки номера.
- Она заплатила? Конечно! Она тебе хорошо заплатила. Тобой управляет только звон монет.
- С твоего позволения, отложу муки совести на потом. А сейчас – работа. Посторонись, что ли!
- Задорого меня продал?
- Не твоего ума дело. Будь я барышней, никогда бы за твое лицо столько не выложил. Ох уж эта непостижимая девичья любовь! Звезда цирка – даже номер до конца не довел, убежал! Да я с тебя еще штраф взыскать должен. Но ладно, я сегодня добрый.
- Взгляд Дио потемнел.
- Мы договаривались, что я не открываю лицо зрителям. Таково было мое условие.
- Условие? Договорились? Не смейся меня, мальчик. Перечитай договор – там об этом ни строчки. А что не записано на бумаге, того не существует. Будь благодарен, что вообще подобрали тебя и приняли в труппу.
- Ты пожалеешь.
- Что-что?
- Представление еще не окончено.
- Дио развернулся и нырнул в тень занавеса.
- Еще угрожать мне будет, – усмехнулся Тьяр. Он постучал по стенке черного ящика: – Слышишь, Тьяволия, юный красавчик угрожает мне! Тьяру, заключившему грозную колдунью в темный ящик. Смешно.
- Из ящика не донеслось ни звука.

Сенсация за сенсацией!

*Таинственный Дио снял маску на радость зрительницам,
а на следующий день исчез
прямо во время представления!*

*После одного из выступлений цирка уродов Тьяволины
публика задается только одним вопросом:
где Дио?*

*Человек-кукла буквально испарился
на глазах у сотен зрителей
во время номера.*

*Очевидцы заявляют, что в прямом смысле слова
не успели моргнуть, как артист исчез
в клубах бутафорского дыма.*

*Директор цирка поначалу уверял, что это часть шоу,
но на последующих выступлениях
Дио так и не появился.*

*Может быть, это хитрый ход, чтобы привлечь
еще больше внимания
к представлениям цирка Тьяволины?*

*Хотя куда уж больше!
Тьяр отказывается давать какие-либо комментарии
по поводу исчезновения артиста,
оставляя публику гадать:
где же их любимчик?
Услышь вопиющие голоса
своих почитательниц,
мечтающих надеть фату,
упавшую с неба!
Дюо, где ты?
Вернись!*

Глава 1

Полгода спустя

Девушка, одетая в синий плащ от дождя, открыла объемную сумку, достала письмо и просунула в узкую щель ящика. Пошла дальше, к следующему дому.

Зазвонил в кармане телефон. Она достала, нажала «ответить».

– Нет, – сказала, глядя себе под ноги. – Еще нет. Много писем. Да. Позже. – Девушка покосилась на пузатую сумку. – Хорошо. Приходи, оставшиеся разнесем вместе.

Бросила в карман телефон и направилась к очередному дому с почтовым ящиком на двери. Небо по-вечернему темнело.

* * *

– Вот и всё. Можно домой.

– Погуляем?

– Я устала.

– Совсем немного.

Девушка смотрела себе под ноги. Парень обнял ее за плечи, и она слабо улыбнулась:

– Ладно.

– Смотри, какая луна.

– Какая?

– Лунная. Но ты не смотришь, – с легкой укоризной сказал парень.

Девушка подняла взгляд к небу и кивнула:

– Да, лунная.

– Что с тобой?

– Ничего, все в порядке. А что со мной?

Парень едва заметно нахмурился и замолчал. В тишине они прошли два переулка.

– Я хотел кое-что предложить. Но, видимо, сегодня ты не в настроении, – проговорил он наконец.

– Что предложить?

Парень помолчал. Улыбнулся краешком губ.

– Выйти.

– Куда выйти?

– За меня.

– За тебя? – Девушка непонимающе подняла бровь.

– Замуж.

– Что?

Она остановилась. Парень тоже. Он улыбался все шире, в глазах играли искорки.

– Пойдешь? Это недалеко.

Девушка молчала и долго смотрела в его глаза. Парню стало сложно держать улыбку на лице, и он спросил:

– Не так предложил? Цветы? Я исправлюсь. Думал, хватит луны. Она такая большая – круглый белый цветок, и не где-нибудь, а прямо на небе...

– Все в порядке, – качнула головой девушка.

– Все в порядке? Эта фраза... Я слышу ее слишком часто. Все в порядке – это твой ответ?

– Я имела в виду цветы. Что их нет. Что есть только луна – все в порядке.

– И...

- Да.
- Что?
- Это ответ: да.

Парень взял девушку за плечи и осторожно поцеловал в прохладные губы. Губы улыбнулись.

– Значит, да? Пстой, пстой, – радостно заговорил он. – В каком смысле «да»? «Да, выйду» или ты просто не договорила «Да ни за что»?

Девушка коротко рассмеялась.

– Выйду, выйду. Тем более ты обещал, что это недалеко.

Парень прижал ее к себе, бережно провел рукой по волосам.

- Ты выглядишь усталой, Пиа.
- Наверное, это потому, что я устала.
- Надеюсь, – едва слышно произнес он.
- Что?
- Ничего, все в порядке. И вправду, пойдем домой?

* * *

Белая фата прикрывала волосы, лицо, и очень хотелось поскорее откинуть ее, прижаться своей щекой к теплой ее щеке. К щеке с ямочкой – когда смеется.

Он протянул руку к фате и вдруг услышал за спиной голос:

– Ваша лошадь расстроена.

– Что? – Не поверил своим ушам, обернулся. Перед ним стоял клоун, переминаясь с ноги на ногу.

- Лошадь огорчена и плачет.
- Что? – снова переспросил он. – Я женюсь.
- А лошадь?
- Какая лошадь?

Клоун отошел в сторону, открыв взору серую в яблоках кобылу, которая сидела на стуле, положив ногу на ногу, и утирала мокрую от слез щеку копытом. Она тихо всхлипывала.

– Лошадь плачет, – покачал головой клоун.

Жених удивленно поглядел на плачущую лошадь, обернулся, чтобы рассказать невесте – лошадь плачет! – но никого не увидел. Он оглядывался по сторонам, но...

Сел на постели. Черная ночь. Прислушался. Всклипы. Встряхнул головой. Всклипы не прекратились. Только, может, стали тише.

– Пиа, – позвал он. – Пиа.

Стал трясти ее за плечи. Простыня под ней сбилась: она елозила руками, то сжимая, то разжимая пальцы.

– Пиа, – громче повторил он, провел ладонью по ее мокрой щеке. – Пиа, проснись.

Пиа вдруг села на кровати. Щеки блестели. Несколько секунд она непонимающе, без узнавания смотрела на него, продолжая всхлипывать. Он обнял ее.

– Снова тот сон? Снова он?

Пиа не отвечала, только уткнулась в его плечо лицом.

– Тот сон, да?

Пиа молчала.

– Может быть, тебе снова пойти к психологу...

– Со мной все в порядке, – перебила она. – Приснился кошмар. Я успокоюсь сейчас. Все в порядке. Просто кошмарный сон.

– *Тот* сон?

– Не волнуйся, – бесцветно произнесла Пиа, на миг задержала дыхание, чтобы оно выровнялось, и тихо добавила: – Побудь со мной.

– Прошло уже три года...

– Прекрати! – резко выдохнула Пиа. Помолчала – он замолчал тоже, обняла его крепче и проговорила чуть слышно: – Просто побудь со мной немного.

* * *

Розовое небо напоминало шелковую ткань: такое же тонкое, гладкое. Вода озера вторила ему, мягко покачиваясь у берега.

Пиа села на скамейку. Она вспомнила реку в городе Пуш, который она покинула три года назад. Река всегда разная: то черная, то голубая – смотря, какая погода, то покрыта всплескивающими волнами, а то волны низкие, узкие и напоминают скорее царапины на блестящей поверхности. Озеро не такое. Оно почти не меняется. Зеркало для облаков.

Когда небо совсем покраснело, Пиа поднялась со скамейки. Не могла смотреть на красоту слишком долго: что-то в ней от этого ломалось и переворачивалось, и Пиа не понимала что. Хотелось отвести взгляд.

– Надо зайти в магазин, – сказала она себе, сунула руки в карманы и побрела от озера.

Возле кассы собралась очередь, Пиа устало провела ладонью по лбу и перехватила корзину с товарами поудобнее. Впереди нее маячила лысина, за ней – затылок коротко стриженной женщины. Пиа оглядывала посетителей магазина будничным взглядом – таким смотришь на что-то случайное в жизни.

Рассматриваешь без особого интереса, в следующую минуту уже и не вспомнишь.

Наконец получилось поставить корзину на ленту. Пиа выложила молоко, хлеб, упаковку чая. Услышала звон. Мужчина, стоявший у кассы, высыпал себе на ладонь содержимое кошелька и толстым указательным пальцем передвигал монеты. Кассирша смотрела на него со странной смесью терпения и укоризны. Пиа видела, как похудел его кошелек без мелочи – стал похож на сдувшийся воздушный шарик. Из-за затылков и причесок людей в очереди она почти не разглядела лица того мужчины, но что-то знакомое...

Пиа подалась вбок, чтобы рассмотреть его.

– Господин Казил! – крикнула она и, бросив на ленте молоко, хлеб и чай, кинулась к нему, обогнув очередь. Люди оборачивались, кассирша удивленно вскинула брови. – Господин Казил, это вы?

Мужчина поднял глаза от монет, губы его дернулись в стороны и тут же опустились.

Кассирша тряхнула бесцветной челкой:

– Девушка, не покидайте очередь.

– Госпожа Пиа? – выдохнул мужчина, и монеты в его руке тихо звякнули.

– Господин Казил! – воскликнула Пиа и широко улыбнулась, глядя в его потерянное лицо, схватила за рукав и сжала. Потом вспомнила... подумала: может, не надо улыбаться? На Пию нахлынула смесь радостной энергии и тусклой горечи. – Вы...

– Девушка, не задерживайте очередь.

– Вот именно, разговаривайте в другом месте! Люди за покупками пришли.

Господин Казил суетливо ссыпал монеты в блюдечко для мелочи рядом с кассой. Кассирша недовольно кивнула и принялась сгребать их. Выбила чек – Казил сунул его в пакет вместе с батоном хлеба.

На улице Пиа вновь сжала пальцами рукав господина Казила. Увлажнившимися глазами она разглядывала его, как старого, давно потерянного друга, которого наконец посчастливилось встретить.

– Все хорошо, госпожа Пиа. Все хорошо. Работаю в цирке, но не в том, а в другом. Я из города Пуш уехал, теперь вот в передвижном цирке работаю. Ездим с гастрольями по стране, нигде больше недели не задерживаемся. Меня устраивает. Вот, купил хлеба к ужину. Все хорошо, госпожа Пиа. – Казил кивал и моргал. – А вы как?

– А я... у меня все в порядке, – кивнула Пиа.

– Больше не преподаете?

– Разношу почту. Здесь, в Бэле. Мы переехали сюда. Мы с Алом. Давно. Три года назад... – Пиа говорила короткими фразами и никак не могла прекратить кивать на каждое слово. Почему-то стало трудно смотреть господину Казилу в лицо.

– Понятно.

– Не преподаю, – добавила Пиа ненужные слова.

– Да, он говорил мне, что вы уволились из школы. Да-да, он упоминал.

– Он? Кто?

– Когда еще был... – Господин Казил не договорил какое-то слово, пошуршал пакетом, переложив его из одной руки в другую. – А я вот с гастролирующим цирком... Надеюсь на встречу. – Он поднял на Пию грустные глаза.

– Встречу? – только и смогла выговорить та. Ей вдруг стало холодно. Она почти пожалела, что пришла в магазин. Заметила свои пустые руки – ничего ведь не купила, оставила товары на ленте и выбежала.

– Да. Я надеюсь на встречу, – тихо сказал Казил.

На встречу? О какой встрече он толкует? Невозможно встретить того, кого больше нет. Пие захотелось уйти. Сейчас же. Она посмотрела в круглые водянистые глаза – их цвет стерся за три года. Выцвел от времени. А каким он был, Пиа не помнила.

– До скорого, господин Казил.

– Прощайте, госпожа Пиа, – кивнул тот, но не сдвинулся с места.

Пиа ушла, запахнув пальто. Хотела не оборачиваться, но обернулась, перейдя улицу. Казил стоял на том же самом месте. Пиа подозревала, что он еще что-то хотел сказать ей, но не смог или не успел. И сейчас остался там, у магазина, с невысказанными словами в выцветших глазах. Пиа не была уверена, что желала бы услышать эти слова.

* * *

Город Бэл зажег вечерний оранжевый свет. Пиа разглядывала порыжевшую от соседства с фонарем стену ближайшего дома. Стена была в сине-белую полоску.

«Почему-то в этом городе много полосатых домов, – подумалось Пие. – Наверное, у каждого города свое лицо, свой характер. Здесь – полосатые дома и озеро рядом, а в городе Пуш...»

– ...пригласить и их тоже.

– А? Что? – опомнилась Пиа, отвела взгляд от полосатой стены.

– Не слушаешь?

– Ну почему, слушаю.

Ал покачал головой и улыбнулся.

– На небе ни облачка, а ты все равно умудряешься в них витать.

– Что ты говорил, повтори. – Пиа не улыбнулась в ответ.

– Что пригласить тетю с дядей тоже надо, хоть они и живут далеко отсюда.

– Пригласи, – кивнула Пиа. – А куда?

– На свадьбу, Пиа. – Он усмехнулся.

– Ах да. Но свадьба не скоро. Еще успеем пригласить.

– Осенью.

– Да, осенью.

- Пиа.
- Что?
- С тобой всё...
- Со мной все в порядке. Я думала о домах. Почему они полосатые. А в городе Пуш – узорчатые, все разные, как люди.
- Почему ты вспомнила Пуш? – наострился Ал и взял Пию за руку. Рука оказалась холодной.
- Просто так.
- Пиа...
- Все в порядке. Просто вспомнила. – Пиа замолчала ненадолго. – Не успела с ним попрощаться тогда... С городом. А сейчас вот вспомнила. Реку, ее блеск. Дома узорчатые.
- Пиа, мы можем сходить к озеру, если хочешь.
- Нет, я просто вспомнила. Город Пуш. Дома. И реку.
- Ал молчал, будто собираясь что-то сказать.
- Озеро тоже красивое, – наконец проговорил он и грустно взглянул на Пию.

Глава 2

Белое платье колыхалось на поверхности воды, набухало, блестело бусинками. Нежный шелк вбирал в себя влагу, становился еще краше под пленкой озера и медленно шел ко дну.

Поверх тонущего платья было видно отражение тринадцатилетней девочки с суровым лицом. Точнее, одна половина лица ее казалась суровой, другая – рассерженной.

– Что ты на меня так смотришь? – Девочка повернула лицо правой, суровой стороной, чтобы увидеть в озере его. – Я утопила платье. Сам знаешь почему! Он смотрит на нее! Даром что кукла – вечерами он пляшется на свою Дэльфу, а глаза у него темные в такие моменты! А что такое темные глаза, ты знаешь? – Девочка замолкла на мгновение. – И я не знаю. Но я видела у него такие, когда мы его нашли. Он почти умер тогда, а темные глаза жили. Это я нашла его! – снова перешла она на крик. – И не смей мне выговаривать!

Она дала пощечину озеру в том месте, где утонуло платье, вскочила и убежала. Через минуту вернулась притихшая. Подошла к краю озера. Платье на дне посерело от толщи воды над ним.

– Прости. Ты один у меня, не хочу ссориться. Отец? Да, он тоже есть, но... он больше любит Дио, чем меня, хоть тот ему неродной. Он вообще чужой! Мы с отцом выходили его! А он... он...

Девочка плюхнула руку в воду. Нащупала шелк утопленного подвенечного платья. Потрогала бусинку.

– В тот день, когда мы нашли Дио, у меня в груди поселился червяк. Он противно шевелится, когда я вижу темные глаза Дио... – Девочка вздохнула. – Но ничего! Я утопила платье Дэльфы! Теперь его глаза не заблестят, как черный жемчуг!

Она ударила воду кулаком. Подождала, пока лицо ее слушателя перестанет расплзаться по поверхности воды, то вытягиваясь, то сжимаясь, и примет отчетливые очертания.

– Ты слушаешь? Я расскажу тебе, как встретила Дио – куклу, сорвавшуюся с ниток. – Девочка уперлась ладонями в землю и глядела на отражение в озере, на правую сторону своего лица. – Полгода назад, в обычный день вроде сегодняшнего, в час, когда хилый утренний свет сменил тьму, мы въехали в небольшой городок под названием Мист. Отец знал, что с неделю здесь будет выступать гастролирующий цирк с новой программой, поэтому мы выбрали этот город. Трейлер оставили возле соснового пролеска, а складную сцену и кукол перенесли ближе к шатрам.

Вечером, когда в шатрах начались представления, я взяла банку для монет и отправилась звать народ на наш спектакль. В прохладном воздухе пахло сладко и пряно. Мы с отцом не ели со вчерашнего дня, в шкафу оставалось зачерствевшее печенье – на случай, если не соберем денег. Отец запретил его трогать. Зывая публику, я ходила кругами возле лотка с воздушной кукурузой – от нее исходил потрясающий аромат! С детства умею насытиться одним ароматом. Так, бывает, покручусь возле витрины с разными сладостями – и как будто пирожное съела.

Закончилось представление в главном шатре – огромном, желтом, с развевающимся флагом на крыше.

Зрители, особенно те, что с детьми, с готовностью кидали мне в банку монеты и усаживались на скамью напротив нашей сцены.

В тот вечер мы показали три спектакля подряд – поверь, это немало, – и, когда погасла за тучей луна, отец опустил под аплодисменты занавес. После он дал мне денег из выручки и отправил в город с тем, чтобы я постучалась в какой-нибудь приличный, скромный дом – магазины к тому времени уже закрылись – купить у местных жителей хотя бы кусок хлеба.

Открыли в первом же доме с красными стенами и синей дверью, на которой белой краской был нарисован голубь. Хлеба не оказалось, дали рыбного пирога, а это намного лучше! Рыбный пирог – это вкусно. Я обрадовалась и свою половину съела, чуть только затворилась за мной синяя дверь с белой птицей. Оставшийся кусок укутала в фольгу и положила в карман куртки.

Из города шла через пролесок. Сосны иглами торчали в темно-синее небо, словно хотели проткнуть его, как какой-нибудь надувной шар. Воздух охладел. Между стволами – узкая тропинка, по ней я и шла не торопясь, хотя следовало бы ускориться: отец голодный. Но мне как будто тьма вцепилась в пятки и не пускала. Я люблю тьму. Она пугает, но не меня. Моя мечта – когда-нибудь самой напугать тьму! Интересно, так бывает?

Я шла по тропинке, но вряд ли думала о тьме, это сейчас я о ней вспомнила, когда стала тебе рассказывать. А тогда я смотрела вверх, на синие кружева неба между покачивающимися верхушками сосен. Это выглядело так, словно большой колдун в синем кафтане, расшитом тонкими черными нитками, склонился над такой букашкой, как я. А я не боюсь ни колдуна, ни его тьмы!

Опять отвлеклась. Так вот, шла я и шла, мимо озера. Озеро – как упавший на землю обрез серого шелка. Или как зеркало. В нем отражается синий кафтан колдуна. И еще в нем отражаемся мы с тобой, если заглянуть в него совсем близко. Ты на правой половине моего лица: у тебя острый взгляд, волевые сомкнутые губы и короткая стрижка. А на левой половине лица – я: бешеный взгляд, ненавидящий рот, чуткое до звуков оттопыренное ухо и длинные светлые волосы. Но тогда я еще не знала, что могу встретить тебя в любом зеркале или увидеть на водной глади. Тогда я была совсем одна. Шла по тропе, забыв и о голодном отце, и о куске рыбного пирога в своем кармане.

А когда опустила взгляд от неба, увидела его. Точнее, сначала услышала – шорох, такой, как будто прошлогодняя трава что-то шепчет озеру. Но я поняла, что это не ветер: шорох получился отрывистым, словно кто-то провел ногой или рукой по земле.

Заметила что-то черное у подножия крупной сосны. Черное шевельнулось, как кусок ожившей тьмы. По очертаниям – человек. Подкралась к нему – я умею ступать так, чтобы не доносилось ни звука, даже по сухой траве.

С головы до ног черный, он сидел, прислонясь спиной к стволу, голова склонилась к груди. Дыхания не слышно. Похоже было, что он либо пьян, либо спит. Либо мертв. Я тронула его плечо, он едва заметно вздрогнул. Наполовину повернул ко мне лицо – видно, сил не хватало повернуть полностью. Мне не хотелось спрашивать, кто он такой, этот кусок тьмы, что он здесь делает, нужна ли ему помощь и прочую чушь, которую принято спрашивать в таких случаях. Поэтому я снова толкнула его в плечо – может, сам заговорит. Он качнулся от моего тычка, как мешок с картошкой, и едва слышно зашептал.

«Что?» – переспросила я.

Не ответил.

«Ты кто?»

Промолчал.

«Ты кто?» – повторила я.

Мерзлая после зимы земля под его ногой шепнула какое-то короткое слово, а он почти беззвучно сказал: «Дио».

И рассмеялся. Серьезно, я не шучу, – он рассмеялся. Слабо, без звука и движения – так смеется умирающая, иссушенная, колеблющаяся на ветру травинка. Он с усилием приподнял голову. На лицо упал серый свет прикрытой облаком луны, блеснули белки темных, как туча, глаз.

«Дио. Кукла... – чуть громче произнес он, перевел дыхание и договорил: – Сорвавшаяся с ниток».

«Кукла?..» – Я посмотрела в темные глаза. Меня точно молнией ударило! Глаза были невыносимы! Как у дьявольской собаки. Они горели черным светом, если только бывает черный свет. Я бы не хотела видеть их никогда! Но уже увидела.

«Уйди».

И я ушла.

Бросилась бежать – тьма толкала меня в пятки. Черным червяком она заползла мне в сердце. Я припустила еще быстрее, чтобы червяк выпал из груди и затерялся в темноте и я его никогда больше не нашла и не поселила в себе!

Скоро выскочила из пролеска, добралась до лагеря, с размаху стукнула ладонью в дверь нашего трейлера – она сразу распахнулась. Папа сидел за столом с включенной лампой, штопал куклу. Он обернулся.

«Скорей!» – вскрикнула я, чем разбудила луну, и она, огромная круглобокая пуговица на кафтане ночного колдуна, наконец выкатилась из-за серых облаков и застегнулась на синей ткани неба.

Как бы я ни бежала, червяк не выпал из груди, он остался. И шевельнулся, давая о себе знать, когда мы с отцом вернулись к тому месту, где у подножия большой сосны я нашла смеющийся беззвучным мертвым смехом кусок тьмы. Где я нашла Дио – сорвавшуюся с ниток куклу.

Глава 3

Ал стоял у открытого окна: свежий воздух помогал ему заснуть, когда не спалось. Он тревожно поглядывал на Пию. Дыхание ее было ровным, едва уловимым. Вечером, когда вернулась домой, она рассказала Алу, как встретила господина Казила в магазине. Рассказала как о чем-то несущественном, всем своим видом показывая, что эта встреча – рядовое событие. Ал выслушал. Не стал спрашивать, где тогда покупки из магазина...

Теперь ему не спалось. Если к Пие вновь вернется тот сон, он все-таки настоит на повторном визите к психологу. Глядя в окно на темные облака, Ал пытался вернуть себе спокойствие, но облака не помогали. Как и свежий воздух. Ал прикрыл створку.

* * *

Снег колотил щеки. Солнце колотило глаза. Но Пиа все равно смотрела. Она упустила воздушный шарик, который ей подарил папа, и теперь он летел вверх, в белое небо, становясь все меньше и меньше, превращаясь в красную точку. Папа смеялся, а Пиа тянула руки вслед шарик, но было поздно.

Пиа заплакала, или это снег смешался с дождем на ее щеках. Провода путались в облаках, словно кот поиграл с огромным клубком и разбросал нитки по всему небу. Шарик скрылся где-то за ними и вдруг стал возвращаться.

Глаза Пии расширились. Шарик падал вниз, увеличиваясь с каждой секундой. Но больше не был красным. Он стал совсем белым, то ли от снега, то ли... Пиа пригляделась. Он стал белым с тонкой красной полосой. И приближался. Белый с красным. Ближе и ближе.

Что-то было не так. Но что?

Может быть, то, что... Из шарика торчали руки. Торчали ноги. Болтались, как у тряпичной куклы.

Кукла падала. И пока она падала, Пиа начала понимать, что это не кукла и не шарик, что это... Черный кудрявый завиток на лбу, губы, застывшие в неестественной улыбке, серые остановившиеся глаза.

Он упал медленно, как лепесток пиона. Белый лепесток с красной прожилкой.

«Это уже было», – пронеслось у Пии в голове. Она огляделась. Люди вокруг занимались своими делами, не обращая внимания на неподвижно лежащего посреди улицы юношу в белом пиджаке.

– Почему? – прошептала Пиа. – Почему они не видят его? Почему не пытаются помочь?

Она хотела подойти, сделала несколько шагов, но приблизиться не получалось. Она попробовала снова, но осталась на месте. Ноги отяжелели и не желали двигаться.

– Госпожа Пиа.

Она развернулась. Перед ней стоял господин Казил.

– Там...

Пиа указала себе за спину. Хотела сказать: «Там ваш племянник упал и разбился», но не смогла справиться с подкатившим к горлу комом.

– Госпожа Пиа, вы больше не работаете учителем?

– Что?

– Вы больше не работаете учителем. Люц говорил мне об этом. Да-да, он упоминал. Он опять куда-то исчез, да-да, госпожа Пиа. Люц пропал. Вы не знаете, где он? Вечно пропадает где-то... – Господин Казил провел ладонями по щекам, словно стирая несуществующие слезы.

– Но он же... – Пиа обернулась.

На мостовой не было упавшего юноши.

– Что?

Пиа сделала шаг. Потом еще один. Ускорилась. Только что на мостовой лежало неподвижное тело ее бывшего ученика Вернана Люца, теперь же место пустовало. Ни следа не осталось.

«Три года назад он прошел по проводам, как по канату, упал и разбился насмерть, – внезапно вспомнила Пиа. – Да, уже три года. И я больше не живу в Пуше. Что же я здесь делаю? Что я здесь делаю?»

– Надеюсь на встречу, – проговорил господин Казил. Он все еще стоял рядом с Пией и взирал на нее грустными глазами. – Надеюсь на встречу.

– На встречу?

«Невозможно встретить того, кого больше нет».

– Пиа!

Она рывком села на кровати, схватилась за мокрые щеки.

– Пиа... – Ал обнял ее за плечи и прижал к себе. – Тебе снова приснился тот сон?

Она не ответила.

– Пиа... – Ал сжал ее ледяные пальцы. – Не молчи.

Она продолжала смотреть в пустоту, тогда Ал тряхнул ее за плечо. Пиа перевела на него бессмысленный взгляд. Будто не понимая, что происходит. Ал испугался.

– Со мной все в порядке, – произнесла Пиа ровным тоном и отерла щеки.

– Да, в порядке, – кивнул Ал, поджал губы и опустил взгляд.

– Это пройдет.

– Пиа, к тебе снова вернулся тот сон, да?

– Так психолог говорила: это пройдет.

– Пиа...

– Не надо, Ал, не говори этого.

– Пиа, ты не в порядке. Три года прошло...

– Не говори!

– А ты все мучаешься, не можешь забыть...

Пиа вскочила с постели и выбежала из комнаты.

В кухне она прислонилась лбом к прохладному оконному стеклу. Оно было мокрым от дождя снаружи, и Пие показалось, что это город плачет, жалеет ее. В горле встал горький ком. От дыхания стекло запотело, и Пиа провела по нему пальцем.

– Пиа, извини меня. – Ал осторожно положил ладони на ее плечи.

Пие захотелось дернуться, высвободиться, хотелось, чтобы он оставил ее с этим мокрым стеклом одну, но она сдержалась. Замерла, глядя на темный город в окне. Прерывисто вдохнула. Стекло вновь запотело, показав кривую полосу, оставленную ее пальцем.

– Пойдем спать? – робко сказал Ал почти в самое ухо Пие.

– Ты иди.

– Или давай попьем чаю. Три часа ночи – самое время, – попытался пошутить он.

– Ты иди, а я еще постою у окна.

– Я останусь с тобой.

– Иди, не жди меня.

Пиа говорила безжизненно и не оборачивалась. Ал отстранился, постоял немного, глядя на ее спину, беззвучно вздохнул и ушел в комнату.

* * *

– Все в порядке.

– Но вы пришли ко мне, Пиа, чтобы...

– Меня уговорил мой жених.

– То есть...

– Все в порядке.

– Вы уверены?

Пиа сжала пальцы и смотрела, как побелели костяшки. Молчала с минуту.

– Все почти в порядке, – наконец сказала она.

– Почти в порядке? – Психолог немного подалась вперед, изображая внимание. Пие казалось, что она именно изображает. Это ее работа. Моргать вот так, как она моргает, показывая: я вам искренне сочувствую и готова помочь. Такая работа. Пиа старалась не смотреть в лицо психологу, она разглядывала свою руку, ища в себе силы сказать то, что необходимо было сказать.

– Повторился сон.

– Сон?

– Страшный сон.

– Повторился страшный сон?

– Его давно не было. Уже полгода. И вот снова... – Пиа замолчала. Психолог терпеливо ждала. Пиа разжала пальцы и подняла взгляд. – Вот и всё.

– То есть сон, который являлся вам достаточно часто раньше, а потом исчез на полгода, теперь вновь снится?

– Да.

– И что именно вам снится?

Пиа сжала пальцы.

– Я не помню.

– Тогда как вы понимаете, что он страшный? Когда просыпаетесь, какие эмоции вы испытываете? Может, вы...

– Послушайте, я не помню! – вскрикнула Пиа.

Психолог моргнула три раза подряд, услужливо наклонила голову.

– Не помните?

– Нет, я же сказала.

– Если расскажете содержание сна, станет легче, Пиа, – вкрадчиво проговорила психолог, и Пиа сжала челюсти.

– Я... не помню. Почти не помню. Могу сказать только, что сон немного изменился.

– Изменился? Что-то добавилось или исчезло?

– Добавился один человек.

– Кто?

Помолчав, Пиа сказала:

– Не помню.

– М-м-м. Ладно, расскажете, когда вспомните. Не откажетесь немного порисовать, Пиа? –

Психолог достала из ящика своего стола лист бумаги, карандаши и положила перед ней.

– Что рисовать? – Пиа робко взяла один из карандашей.

– Что хотите. На свободную тему. Все, что пожелаете. – Психолог выжидательно улыбнулась, отчего Пиа почувствовала себя под наблюдением. Она не доверяла этим моргающим глазам и выученной улыбке. Ей казалось, что рисунок может обернуться против нее.

Отложила черный карандаш, который схватила первым, взяла желтый и нарисовала крупное солнце с расходящимися лучами. А по бокам – два голубых облака. Когда Пиа закончила рисунок, психолог взяла его и внимательно рассмотрела.

– Очень хорошо. – Она отложила листок в сторону и посмотрела Пие в глаза. – Есть такое упражнение. Оно хорошо помогает, когда не хочется рассказывать о своих проблемах другим

людям. Нужно просто написать об этом на тетрадном листочке, а потом выбросить или даже сжечь. Сразу становится легче. Подумайте об этом, Пиа.

Пиа вспомнила, когда в последний раз что-то писала на тетрадном листочке. Это были записи в тетради Вернана Люца. Они вели переписку в его тетради по литературе.

Госпожа Пиа, помните стихи, которые вы сочинили специально для меня, а потом заставили читать их у доски? Я помню.

«Любовь нельзя прощать» – это правда. Нельзя. Тем более себе.

«Любовь не оборвать» – вот с этим не согласен. Оборвать. Еще как оборвать.

P. S. Спасибо за пуговицы. Одну я оставил себе. На память.

P. P. S. Прости меня за поцелуи, Пиа. Это никогда не повторится, обещаю.

P. P. P. S. Посмотри вверх и...

P. P. P. P. S...прости меня, Пиа.

Его последнее письмо так явственно предстало перед внутренним взором...

Пиа резко поднялась со стула и вышла за дверь.

* * *

– ...не идет на контакт. Психологическая травма после того случая три года назад. Все-таки смерть ученика на глазах учителя – это довольно тяжелое событие. А если она к нему еще и тепло относилась...

– Это он к ней тепло относился, – поправил Ал, и в его голосе послышались металлические нотки. – Даже очень тепло. Ее уволили из школы после его признания в любви.

– Вы рассказывали, что тот ученик был каким-то необычным.

– Он был скорее... сложным. Работал клоуном в цирке города Пуш вместе со своим дядей Кази-лом. И регулярно выкидывал фокусы на уроках, чтобы позлить учителей. Выпадал из окна, затем живой и невредимый приходил в школу на следующий день. Появлялся в запертой комнате. Исчезал в недрах шкафа. Пиа тогда только устроилась работать... А в тот день, когда Пию уволили из-за его признания в любви, он стоял на крыше школы, готовясь показать свой последний, как оказалось, смертельный номер – пройти по проводам, как по канату.

Пиа отошла от двери, чтобы не слышать продолжение. Ей было неприятно, что Ал открыл ее личную историю малоизвестной женщине-психологу. Она понимала, что Ал старается для нее, но от его рассказа в груди зануло.

Вскоре из кабинета появился Ал, улыбнулся ей, взял за руку, и они вышли на улицу.

Вчерашние лужи почти высохли.

– Погуляем немного?

– Мне сегодня пораньше на почту нужно, – ответила Пиа.

– Много писем? Удивительно, что в наше время еще кто-то кому-то пишет, – бодро сказал

Ал.

– Да.

– Наверное, бабушки и дедушки по старой памяти.

– В основном счета за свет и газеты.

– Но письма ведь тоже шлют?

– Да.

– Много?

– Не очень.

– А работа почтальона – нести миру свет! Точнее, счета за свет, – пошутил Ал. – Я про-
вожу тебя до почты?

– Больше не пойду к психологу.

– Пиа... – Ал легонько сжал ее руку в своей.

– Что она тебе сказала? – спросила Пиа, глядя в сторону.

– Ничего особенного не сказала, только что тебе трудно говорить о...

Пиа выдернула руку.

– Мне не трудно! Я просто не хочу, Ал! И тебе не следует с ней об этом разговаривать!

– Ладно.

– Никто не обязан говорить о своих проблемах, если не хочет!

– Ладно.

– Больше не пойду к психологу.

– Я всего лишь хочу, чтобы с тобой все было хорошо. Может, сходишь еще разок?

– Со мной все в порядке, Ал!

– Ладно.

– Все в порядке!

Глава 4

Мы подошли к большой сосне. Снова я видела только черный контур. Дьявольские глаза прятались где-то там, или он их закрыл. Белки больше не блестели, как ледышки. И сам кусок тьмы не двигался. Отец коснулся его плеча – никакой реакции. Нашупал запястье в поисках пульса. Черное очертание головы едва заметно дернулось, подбородок приподнялся. Он попытался вырвать руку, но не смог, не хватило сил. Тогда он что-то беззвучно произнес. Отец не обратил внимания ни на его шепот, ни на слабое сопротивление или сделал вид, что не обратил. Без разговоров закинул руку куска тьмы на свое плечо, тяжело поднял его и медленно двинулся вперед.

– Оставьте меня, – едва донеслось.

Отец нахмурился. Я не видела – луна снова спряталась, – но почувствовала, почти услышала шелест его опустившихся бровей. Я знаю отца с рождения, как ты понимаешь, и успела его изучить.

Ему было тяжело тащить эту куклу, сорвавшуюся с ниток, – кукла постоянно сползала с его плеча, – но он шел вперед. Я знала, что хорошо помогу, если подхвачу с другой стороны, чтобы этот... неведомо кто мог опереться и на мое плечо тоже, но я плелась рядом, не делая попыток помочь.

Что-то бухнулось к моей ноге, глухо стукнулось о носок ботинка. Откуда? Выпало из кармана куска тьмы?

Отец остановился. Я подняла вещь – какой-то деревянный, грубо обтесанный обрубок.

– Что это? – спросил отец, особо ни к кому не обращаясь.

Я покрутила в руках сомнительную заготовку. Она отдаленно напоминала человеческую фигуру с расширением книзу – платье?

К удивлению отца, кусок тьмы рассмеялся. Как и в первый раз – слабо, беззвучно.

– Моя невеста, – шепнул он.

Я подумала, что ослышалась, но в голове эхом прозвучало: «Моя невеста, невеста, невеста». Я уставилась на фигурку. Кругляш головы, топорно вырезанные руки по бокам, неровный конус платья. Лица нет – вместо него ровная, как блюдце, поверхность.

Отец посмотрел на деревяшку и, судя по его взгляду, тоже распознал в ней плохо сделанную куклу. Он молча зашагал дальше.

Добирались мы долго: отец тяжело дышал и поддерживал кусок тьмы рукой за пояс, а тот еле передвигал ногами. Я шла в метре от них, смотрела на его черные кудрявые волосы, заслоняющие бессильно опущенное лицо. В руке у меня была его невеста – корявый кусок дерева, а в груди бешено извивался черный червяк.

В трейлере отец сгрузил его на кровать. Волосы раскидались по подушке, как мертвые змеи. Темные глаза глядели на отца в две узкие щелки – словно вот-вот закроются. На меня глаза не глядели. Я сжала в руке деревянную куклу.

– Принеси воды с озера, – так сказал мне отец.

– В углу две полные канистры.

– Клодия, делай, как велю.

Да как он смеет выпроваживать меня! Это я нашла кусок тьмы!

Швырнула деревянную куклу на пол, развернулась и с силой толкнула дверь. Прежде чем исчезнуть, успела заметить, что рубашка отца вся в бурых, как дыры, пятнах крови.

* * *

Ночью он не спал. Он почти не дышал – я не слышала дыхания. Он кукла. Но у кукол не бывает крови. А я видела! На рубашке отца и потом... Когда меня подло выгнали из трейлера, я сделала вид, что ушла, а сама подкралась к окну. Штора была задернута неплотно. Отец осторожно снял с куса тьмы его черную рубашку, а под ней, на груди, чуть ниже левого плеча, оказался большой кровавый сгусток. Отец промыл ему рану водой из канистры, обработал лекарством и перевязал.

Когда я вернулась с ведром озерной воды, из-под одеяла торчала только голова куса тьмы, сам он был без сознания или делал вид. Отец отирал его бескровное лицо сложенным в несколько раз влажным бинтом, но капельки пота появлялись снова, будто он свеча, сгорающая от невидимого пламени. А губы, напротив, казались бумажными – иссохли.

Я смотрела на черную прядку, прилипшую ко лбу. Совсем как трещина. Кукла, сорвавшаяся с ниток, разбилась при падении.

– Ложись спать, Клодия, не томись. Утром вызовем врача, – сказал отец. Сам же просидел с ним до зари, чем-то поил – приоткрывал ему рот и вливал жидкость из своей жестяной кружки, вытирал восковое лицо смоченным бинтом. Долго, растерянно наблюдал за тем, как кусок тьмы неподвижно лежит. Как будто не был уверен, что все правильно сделал.

Я не смыкала глаз всю ночь. Сначала украдкой глядела на отца, на его старания. А потом, когда он уснул с появлением первых утренних лучей, – на кусок тьмы.

– У кукол не бывает крови, – сказала я ему шепотом.

Но он остался неподвижен. Думала даже подобраться поближе и потрогать его лицо – теплое ли? У кукол – холодное. Но отчего-то не смогла. Вжалась щекой в мягкость подушки и просто смотрела. Червяк в моей груди грозился превратиться в большую черную змею.

В тот момент, укутанная в белую простыню, я боялась его – куса тьмы, боялась, что он откроет дьявольские глаза, боялась, что посмотрит на меня снова, как смотрел у подножия большой сосны. Я хотела, чтобы... он больше не открывал глаза никогда.

Никогда до этого я не боялась тьмы! Никогда, слышишь? И клянусь, это был первый и последний раз! Слышишь?!

* * *

– Клодия! – раздалось совсем близко.

– Это отец, – сказала девочка отражению в озере. – Я тебе потом дорасскажу историю Дио!

И спешно спряталась в кустарнике на берегу.

– Клодия! Куда запропастилась? – пробормотал отец. Клодия слышала, как он подошел к озеру. – А это что такое?.. – Прозвучал короткий всплеск: он достал платье из воды. – Клодия! А ну-ка выходи, где бы ты ни была! Зачем утопила платье?

– Надо было закопать его в землю! – Клодия, раскрасневшаяся от досады, выскочила из-за кустов.

– Зачем? – Отец тряхнул платьем, вода брызнула в стороны. Он поглядел на Клодию. – Что с тобой вечно происходит? Чем ты недовольна?

– В следующий раз я утоплю ее!

– Кого?

– Дэльфу!

– Да что с тобой такое? Дэльфа – всего лишь кукла.

– Тогда утоплю его!

– Кого?

– Дио! Я ненавижу его! Ненавижу всем сердцем! И когда-нибудь действительно убью! – выкрикнула Клодия запальчиво. Дыхание забилося в груди загнанно. Клодия с вызовом взглянула на отца, но тот молчал.

С платья Дэльфы, зажатого в его руке, гулко капала вода. Кап. Кап. Кап.

Кап.

– Чтобы я больше никогда такого от тебя не слышал, – проговорил он наконец. – Это был первый и последний раз.

И ушел.

– Папа, – прошептала Клодия.

Отец не обернулся, хоть и слышал, – она знает, что слышал: заметила по его спине, по складкам рубашки, по мятому воротнику, по уставшему затылку – да по всему! Но он ушел.

Клодия опустила на колени у озера. Ровная гладь покрылась медленно расходящимися кругами от ее слез.

– Клод, – позвала она. Повернула лицо правой стороной, чтобы видеть Клода, своего единственного друга. – Он не простит мне этих слов. Я знаю отца: он все помнит, ничего не прощает. – Клодия провела ладонью по щеке Клода, размазывая слезы. Окунула руку в озеро, разглядывала свои пальцы в воде. – Не простил даже Кэлмина. За то, что он умер. В тот же вечер отец сжег сделанных им кукол.

Я видела: он кидал их в огонь и плакал. Всего раз в жизни – плакал. Куклы сгорели. Все, кроме одной. Отец прячет ее. Точнее, ему кажется, что прячет. Я знаю, где хранится кукла.

Раньше она могла двигаться: танцевать и даже ходить по натянутому канату, как настоящий циркач! Но сломалась три года назад. Теперь лежит в укромном месте. Иногда отец достает ее и подолгу разглядывает, когда думает, что меня нет рядом. Кукла Кэлмина – это его сердце. Сердце моего папы. И оно сломалось три года назад.

* * *

Клодия задремала на берегу озера, а когда проснулась, вокруг нее огромной кошкой свернулась мягкая тьма. Клодия заглянула в озеро – пожелать Клоду спокойной ночи, поднялась на ноги и по тропинке отправилась к лагерю.

Перед трейлером оранжево догорали угли в костре. Рядом стояла жестяная тарелка с кашей и утонувшим в ней куском хлеба.

– Вот так, значит? Отец выставил мне миску с едой на улице, как собаке, – пробурчала Клодия. – Тогда и спать буду прямо на земле! – добавила она мстительно, пнула миску – каша расплескалась по земле.

Клодия скрючилась возле костра, подтянув колени к груди. Долго и зло глядела на гаснущие угли, пока не уснула.

Глава 5

Озеро напоминало серебряную монету. К вечеру – бронзовую, затем медную. Солнце садилось, наливая водную гладь металлом.

Пиа и Ал сидели на скамейке и смотрели на закатное небо. Ал хотел поскорее уйти из парка, ведь у него на сегодня было припасено еще одно, секретное пока для Пиа дело, а Пиа хотела увидеть, как стемнеет и луна бросит на монету-озеро ровную желтоватую дорожку. Луна сегодня почти полная – скошенная с левого бока, словно кто-то аккуратно отъел от нее кусок.

– Пойдем?

– Ветра совсем нет. Поэтому оно такое.

– Оно?

– Озеро. Никогда не видела, чтобы... – не договорила Пиа. Она сжала рукой скамейку, почувствовала ладонью облупленную краску. Не хотелось уходить.

– У меня сюрприз для тебя, – сказал Ал. Но получилось не так, как он хотел. Уныло получилось. И будет ли это для нее таким уж сюрпризом, ведь ничего особенного...

– Сюрприз? – переспросила Пиа, повернулась к нему лицом. Нехотя поднялась со скамейки. Запоздало улыбнулась. – Сюрприз?

– Если хочешь, давай еще погуляем.

– Мне просто нравится озеро, – сказала Пиа и сделала несколько шагов от скамейки. – Пойдем, Ал.

Вышли из парка и направились в торговый район.

Стали появляться подсвеченные вывески: огромные чашки кофе, яркие надписи, разноцветные витрины. Всё шло и шло, пока Ал не остановился у одной из витрин – в желтом свете его улыбка блеснула.

– Что это? – удивилась Пиа.

– Зайдем, – сказал Ал.

– Но ведь это...

– И есть мой сюрприз, – закончил за нее Ал.

Звякнул колокольчик на двери – коротко, будто брякнулся на пол.

Всё вокруг белое, воздушное – как зима в свои лучшие снегопадные дни. Пиа медленно подошла к этому буйству белого, сопровождаемая слишком широкими улыбками Ала и продавщицы. Коснулась тонкой ткани. Попыталась тоже улыбнуться.

– Удивлена? – спросил Ал.

– Скоро ли знаменательная дата? – услужливым тоном поинтересовалась продавщица.

Пиа повернулась к ней, но не успела ничего сказать, Ал ответил с гордостью в голосе:

– Осенью, во времена листопадов.

– Невеста? – посмотрела та на Пию. Пиа заметила у нее над губой крупную родинку и такую же на лбу, прямо посередине. Кивнула, глядя на родинку.

– Да, моя невеста, – подтвердил Ал все так же гордо. – Предложите нам что-нибудь?

– Ал...

– Конечно. Какой размер носит девушка?

– Ал, послушай...

– На вас, девушка, есть прекрасные модели в дальнем ряду. Проходите, я вам всё покажу! – восторженно воскликнула продавщица и взяла Пию за локоть.

– Может, мы сами... – Пиа неуверенно глядела на Ала.

– Вам подойдет воздушная юбка в сочетании с утонченным корсетом на шнуровке. Взгляните. Молочный цвет сейчас в моде. Еще очень хорош фасон «русалка», подчеркивает талию и линию бедер.

– Ал... – Пиа потянула его за рукав, словно маленький ребенок.

– Эм-м... Спасибо вам, – сказал Ал продавщице. – Мы немного осмотримся сами, а как выберем – позовем вас.

Продавщица коротко, почти обиженно улыбнулась и скрылась меж других покупателей и нарядных манекенов.

– Ал, почему мы здесь? – спросила Пиа.

– Как почему? Выбрать тебе платье на свадьбу. Я думал, Пиа... – Ал озадаченно нахмурил брови. – Я думал, тебе понравится. Девушки ведь любят платья. Особенно свадебные.

Пиа смотрела в его глаза, как будто не узнавая. Как будто не понимая, что за человек перед ней.

На короткое мгновение ее лицо стало таким, каким Ал видел его в те ночи, когда Пиа просыпалась в слезах. Он взял ее за плечи и легонько встряхнул, точно хотел скинуть это выражение – чтобы оно упало и разбилось, как блюдце, громко и навсегда.

– Я думал, тебе понравится, – повторил он.

Пиа отвела взгляд.

– Мне нравится.

Она тронула воздушную юбку, которую ей советовала продавщица.

– Мне нравится, Ал.

На юбке блестели светлые точки – жемчужные бусины.

– Мне нравится.

– Если хочешь – уйдем, – сказал Ал, все еще хмуря брови.

– Нет-нет. – Пиа замотала головой. – Не хочу, конечно. Останемся. Красивые платья. – Она пощупала бусину, перекатывая ее в пальцах.

– Тогда, может, выберем?

– Да, выберем, конечно, – согласилась Пиа. – Думаю, что платье, которое посоветовала девушка... то есть женщина... продавщица. Оно подойдет мне, да?

– Это? – показал Ал на платье с бусинами.

Неведомо откуда взявшаяся продавщица уже снимала его с вешалки и одновременно улыбалась Пие и Алу.

Пиа скрылась в примерочной. Платье своими пышными формами почти выдавливало ее из кабинки. Пиа порылась в белом, не без труда выудила кринолин, надела его – обручи заходили вокруг ног.

– Пиа, – услышала она и выронила юбку. Та мягко, пеной осела на пол.

Кто это шепчет? У Пии задрожали пальцы. Какой-то странный шепот.

– Пиа, ты скоро? Тебе помочь?

Пиа выдохнула. Это Ал. А кто же еще? Пиа подняла с пола юбку.

– Да, я только... юбка...

– Помочь?

– Эм-м... нет. Или...

Ал заглянул внутрь. Пиа прижала юбку к груди, глаза испуганные.

– Я только подумала...

– Что?

– До свадьбы видеть невесту в платье – плохая примета? – спросила Пиа.

Глаза Ала заблестели так, что Пиа покраснела.

– Пока что я вижу невесту... хм, без платья.

– Ал!

– Всё, не смущаю, – усмехнулся тот и задернул свое лицо шторкой.

Когда платье было на Пие, она, не выходя из кабинки, сказала Алу:

– Отвернись. Плохая примета.

– Я не верю в приметы, – услышала в ответ.

Вышла. Ряды платьев. Два зеркала, ни в одном не видно ее отражения. Всплеснувшая руками и улыбкой продавщица. Ал с горящими глазами.

Пиа приблизилась к одному из зеркал. Комнатный свет сделал картинку теплой – даже бледное лицо Пиы порозовело, а на бусинах заблестели яркие блики-точки.

– Ты красавица, Пиа, – подошел сзади Ал и тоже оказался в зеркале. Хотел тронуть ее руку, но отчего-то не осмелился. – Купим?

Кружевной корсет, голые плечи. Шуршащая – как будто шепчущая от любого движения: «Пиа, Пиа...» – юбка. Белые бусины на белой ткани – точно платье обрызгано водой – капли дождя на снегу. И в них дрожит солнце – блики от ламп.

– Пиа?

– А?

– Тебе нравится платье?

– Да, конечно. Красивое.

– Покупаем?

Пиа кивнула. Ал, радостный, повернулся к кассе.

– Берем, – услышала Пиа и скрылась за шторкой примерочной, чтобы переодеться.

* * *

Вечерний желтый свет не падает – он прилипает к стенам и висит там, как обрез тончайшей ткани. Рядом со светом, на гвоздике, оставшемся от картины, висит свадебное платье.

Пиа сидит на стуле и сравнивает свет и платье и не видит разницы.

– Пиа!

Она вздрагивает. Это Ал кричит с кухни.

– Пойдем какао пить, – продолжает он уже тише, заглядывает в комнату, смотрит на Пию, смотрит на платье, улыбается. – Любуешься?

– Тебе не кажется, что полоска света на стене как ненастоящая?

– Ненаящая? Что ты имеешь в виду, Пиа?

– Я не знаю. Как неуклюжая аппликация.

Ал стоит в дверном проеме, его брови медленно, задумчиво сдвигаются – он смотрит на свет, прямоугольно припиленный к стене, а Пиа резко поднимается со стула.

– Пойдем, – кивает она.

– Куда?

– Пить какао.

* * *

– Надеюсь на встречу, – говорит господин Казил и повторяет: – Надеюсь, не встречу.

– Что-что? – переспрашивает Пиа.

– Надеюсь.

– На что?

– Он здесь.

– Где?

– Пиа... – шепот.

Пиа оглядывается. Всё вокруг яркое, а небо затянуто какими-то цветными пятнами, непохожими на облака. Пиа смотрит вверх пристальнее – это воздушные шары всех возможных цветов. Нитки свисают – длинные, можно потянуть. Пиа тянет, красный шарик начинает медленно спускаться.

– Пиа... – шепот.

Она оборачивается, но не видит никого. Господин Казил исчез – или ушел. Осматриваясь, Пиа разжимает пальцы, и нитка ускользает. В запале начинает перебирать нитки, а в груди растёт тоска, и скоро она, огромная, выплескивается из души, заливая улицу серым. Нитки трепещут на ветру – все одинаковые. Где тот красный шарик? Где? Где?

Где та нитка? Пиа перебирает нити, а улица сереет.

«Это ночь приходит», – догадывается она, но легче от этого не становится. Смотрит вверх: шарики, кажется, стараются улететь в небо – они всё выше, нити колышутся над головой, Пиа тянет руки, но их уже не достать, все серое: улица, небо, глаза.

Серые дождевые глаза. Металлический блеск.

Глаза?

– Пиа. Я здесь.

– Что? – Пиа задыхается. Серость проникает в легкие, заполняет их собой, густеет. Пиа плохо слышит, плохо видит, плохо чувствует. Только эти глаза – словно молния на миг осветила тучу.

– Пиа, я не здесь.

– Что?

– Пиа, я...

– Что? Что? Что?

Пиа просыпается, видит свою руку на подушке. Рука затекла и теперь чужая на ощупь. Под щекой мокрый след.

– Что? – повторяет Пиа шепотом. Приподнимается на локте.

Темная комната кажется ей картонной коробкой. А она – внутри, как вещь. Как кукла. Комната – коробка для игрушек. Пиа смотрит на картонную стену: там белое пятно – огромная неподвижная моль с прозрачными крыльями. «Мое платье», – догадывается Пиа. Она потирает затекшую руку.

– Что случилось, Пиа? – спросонья бормочет Ал.

– Мой сон... Господин Казил...

– Что? Господин Казил? – Ал поворачивает к Пие заспанное лицо.

– Он говорил...

– Что?

– Он говорил.

– О чем ты? Снова приснился кошмар?

– Он говорил.

– Кто говорил? Что? Пиа, очнись!

В глазах Пии что-то мелькнуло, исчез стеклянный блеск бессмысленности. Она вскочила с кровати, обхватила голову ладонями.

– Ал, он сказал ему!

– Кто сказал? Что? Кому?

Пиа выбежала из комнаты, послышался звук льющейся воды. Войдя в кухню, Ал застал Пию у раковины со стаканом в трясущейся руке. Она пыталась наполнить его.

– Что случилось? – спросил он.

Пиа повернула кран, глотнула из стакана. Пальцы ее мелко дрожали, вода в стакане – тоже. Ал забрал у нее стакан, поставил на стол и взял Пию за плечи.

– Господин Казил, – наконец проговорила она, – сказал мне, что... Помнишь, я тебе рассказывала, что встретила господина Казила?

– Помню, – нетерпеливо подтвердил Ал. – Ну и что?

– Он... мы говорили о преподавании. Ал! – воскликнула Пиа. – Господин Казил сказал: «Люц говорил мне, что вы уволились из школы. Когда еще был...» – У Пии перехватило дыхание, и она замолкла.

– Когда еще был что?

– Думаю, он намеревался сказать... – Пиа глубоко вдохнула, помолчала с минуту, а затем продолжила: – Думаю... хотел сказать: «Когда еще был жив». Он ведь говорил о Люце, Ал.

– Ну и что?

– Господин Казил сказал: «Люц говорил мне, что вы уволились из школы».

– Ну и что? – снова спросил Ал. Он смотрел на Пию со все возрастающим беспокойством. Он уже видел этот бессмысленный взгляд, обращенный в пространство, видел и сменяющий его горящий взгляд. Такой, как сейчас. Горящий, влажный, источающий надежду. Надежду на что?

– Ты не понимаешь, Ал? Люц сказал ему...

– Я услышал, не повторяй, Пиа, – оборвал Ал. Получилось резко – он этого не хотел. Попытался обнять Пию, но она оттолкнула его.

– Ты не понимаешь?

– Чего не понимаю?

– Люц сказал ему, что меня уволили.

– И?

– Он *не мог* сказать ему, Ал, – прошептала Пиа. Глаза ее увеличились. – Когда меня увольняли, Люц уже стоял на крыше школы. Он не знал, Ал! – вскричала Пиа. – Он стоял на крыше в тот момент! А потом...

Ал прижал к себе Пию и долго не выпускал. Чувствовал дрожь – неумную, будто изголовавшуюся по человеческому горю дрожь. Мелкую, промозглую, как морозящий дождь.

В один миг Пиа замерла. Разом ее перестало трясти.

– Люц *не мог* сказать ему.

У Ала заныло в груди от какой-то неуловимой интонации, появившейся в ее голосе.

– Не мог сказать.

– Пиа. Господин Казил перепутал, – осторожно начал Ал, а горечь внутри разрасталась. – Возможно, он узнал об этом не от... не от Люца. Возможно, ему рассказали...

– Ал! Господин Казил сказал мне, что...

– Может, он узнал об этом в школе, когда пришел, чтобы...

– Так и сказал: «Люц говорил мне, что вы уволились из школы. Когда он еще был...»

– Скорее всего, господин Казил узнал именно в школе. От директора или завуча.

– Но он *не мог* сказать ему. Понимаешь? *Не мог...*

– А по прошествии лет бедняге стало казаться, что это племянник сам ему рассказал...

– *Не мог...*

– ...поэтому и выдал желаемое за действительное.

– Он не мог сказать... – Пиа мотала головой, глядя остекленевшими глазами в пустоту. На миг лицо ее превратилось в страшную маску: глаза будто остановились, а губы побелели.

Ал испугался и встряхнул ее за плечи:

– Прекрати, Пиа! – Его голос звучал хрипло, неровно, как чужой. – После падения с высоты шестиэтажного дома люди не рассказывают своим дядям, что их классного руководителя уволили! Они вообще никому ничего больше не рассказывают!

– Не надо так, Ал... – Лицо Пии сделалось жалким, плечи обмякли. Она развернулась и медленно побрела в комнату.

– Завтра мы идем к психологу, – сказал ей в спину Ал. – Снова.

Пиа остановилась. Обернулась.

– Слышишь? К психологу.

– Ал. Он сказал еще кое-что... – слабым голосом проговорила Пиа.

– Потому что так не годится, Пиа.

– Ал, послушай... – В свете луны ее глаза поблескивали, как золотинки от конфет.

– Ночные кошмары, теперь это...

– Ал... – Пиа смотрела на него очень спокойно – так, словно нет больше сил. Словно у нее осталось только тело, а души нет. Руки безучастно висели по швам, лунные блики делали их блеклыми, почти голубыми. Босые ступни терялись в синих тенях. Ал приблизился к Пие и взял ее за руку. Холод. – Он сказал, что надеется на встречу.

– Что? Кто?

– Господин Казил сказал, что надеется на встречу, – повторила Пиа бесцветным голосом, развернулась и ушла в комнату.

– На встречу? С кем? – спросил Ал вдогонку, но Пиа не ответила. – Разве ты не понимаешь, Пиа, – тихо, сам себе проговорил Ал, – разве не понимаешь, на *какую* встречу он надеется? С умершими бывает только одна встреча.

Глава 6

Утренние лучи осели на лице Клодии, как невесомые бабочки. Стало тепло щекам. Клодия не хотела открывать глаза. Она укуталась в одеяло поплотнее.

Одеяло?

Клодия распахнула глаза.

– Я... в своей постели. Меня принес папа?

Клодия выпрыгнула из-под одеяла, толкнула дверь трейлера, сбежала по лесенке в три ступеньки. И буквально уткнулась в спину отца. Он сидел на стульчике и обтачивал доску – заготовку под будущую декорацию для спектакля.

– Папа...

– Обуйся, – сказал он сухо, даже не обернувшись.

Клодия обошла его кругом и упрямо уставилась в лицо.

– Это ты перенес меня в трейлер? Спала, как и полагается собаке, во дворе, у своей миски с кашей! Я свое место знаю, нечего было тащить меня в людскую постель!

– Успокойся, Клодия. Это не я.

– А кто? А...

Клодия сглотнула. Мысль о том, что Дио нес ее на руках, переворачивала желудок вверх тормашками и обратно.

– Твое поведение переходит все границы, Клодия, – проговорил отец, не глядя на нее. – Утопила платье, потом разлила кашу. Не мне тебе объяснять ценность еды...

– А зачем ему?.. зачем он меня?..

– Никогда не знаешь, сможешь ли поесть завтра.

– Где он сейчас?

– Ты слушаешь меня или нет?

– Где Дио?

– На рынке.

– Зачем он там?

– Ткань покупает. Куда ты? Обуйся, я сказал!

Но Клодия уже скрылась в пролеске. За деревьями, за озером, на окраине города Тулл недалеко от железнодорожных путей располагается рынок – шумные ряды, полные товаров и людей.

* * *

Запахло апельсинами, рыбой и пылью, когда Клодия подошла к рынку. Тесные ряды порыжевших от ржавчины будок, на витринах которых выложена всякая всячина: от фруктов и овощей до предметов мебели ручной работы. Люди сновали, как муравьи, шумными юркими цепочками.

Клодия миновала вереницу столов с выложенными на них поделками: вазочками, игрушками, литыми металлическими фигурками, украшениями. Разыскивая ткани в этой пестроте и людской суете, она остановилась у лотка с выпечкой, огляделась. Пшеничный с примесью корицы аромат напомнил ей о выброшенной вчера каше и о том, что и сегодня она еще не ела. Клодия с трудом сглотнула тугой комком голода и тут увидела квадрат ткани. Кто-то стоял, развернув перед собой кусок красного сатина, как ширму. И хоть Клодия и не видела за тканью самого человека, но почувствовала, что это именно он – Дио. В груди шевельнулся червяк.

Сейчас она покажет этому Дио, как носить ее на руках! Да как он смеет!

Клодия двинулась было к нему. Дио опустил ткань, сложил ее пополам и хотел вернуть продавцу, но вдруг замер. Он смотрел впереди себя. Клодия тоже остановилась, проследила за его взглядом. В двух метрах от него с апельсином в руке стоял худой, как стручок, парень со светлыми волосами и узким лицом. Глаза – как два вареных перепелиных яйца, только желтки голубые – чуть не выпали из скорлупок при виде Дио. В следующую секунду узкое лицо нахмурилось единственной морщиной между бровями.

Клодии показалось, что Дио на миг испугался: что-то мелькнуло в темных глазах. Но уже в следующее мгновение он, к удивлению Клодии, улыбнулся и поклонился, как артист перед выступлением. Стручок вытаращился на него: видно, не ожидал такого приветствия.

Красной птицей вырвался из рук Дио и вспорхнул сатин. Завис в воздухе на долю секунды и стал опадать.

Когда ткань легла на землю, Дио уже не было. Исчез. Клодия ахнула. Стручок растерялся не меньше. Завертел своей узкой головой, как всполошенный богомол. Так и вертел бы, если бы проходящий мимо мужчина кабаньей комплекции не толкнул его случайно.

Выпал из тонкой руки и укатился в пыль апельсин.

Стручок враз куда-то делся.

Клодия разглядывала панораму рынка, как картинку, – из тех, что были у них с братом в детстве. На картинке нужно было как можно быстрее найти спрятанные предметы. Клодия всегда справлялась проворнее Кэлмина. И сейчас...

– Ага, – улыбнулась Клодия. Но решила подождать: что будет делать Дио? Как он незаметно для толпы, снующей по рядам рынка, выберется оттуда?

Клодия не отрывала взгляда от вывешенных рядами разноцветных тканей: от черных к белым через весь спектр цветов. Ткани свисали до самой земли, чтобы покупатели могли увидеть их во всей красе и потрогать. Никто, даже продавец, – грузный низенький мужичок, громгласно нахваливающий свой товар и размахивающий при этом руками-плюшками, – никто не замечал, что отсек с тканями черного цвета слегка припух. Только Клодия видела и улыбалась. Что предпримет Дио? Нелегко ему будет появиться незаметно посреди переполненного рынка!

К будке подошла женщина, что-то сказала продавцу, и тот стал передвигать ткани. Наконец вытащил бледно-розовую. Женщина кивнула. Продавец развернул ткань, край ее упал на землю. Получился розовый квадрат. Женщина пощупала ткань, еще раз кивнула. Продавец с довольным видом принялся проворно сворачивать ее в рулон.

И тут Клодия не поверила своим глазам: Дио как ни в чем не бывало вновь стоял возле рядов тканей, ощупывая то одну, то другую. Лицо его было лицом человека, скрупулезно выбирающего товар, – и только. Никаких таинственных исчезновений и появлений, нет, простой покупатель – было написано на лице. Продавец, проводив женщину с розовой тканью, сунул деньги в карман и повернулся к Дио, зашевелил губами. Тот кивнул и зашевелил губами в ответ.

– Вот хитрец! Выбрал момент. – Клодию почему-то разозлило то, как гладко Дио проделал свой фокус. Никто не заметил! Кроме Стручка. Так Клодия прозвала человека, который очень удивился встрече с Дио. Но Стручок видел только исчезновение.

«Кто он? Лицо неприятное. Человек из прошлого Дио? Враг? – размышляла Клодия. – Вот бы он вернулся сейчас! Посмотрела бы я, как Дио выкрутится на этот раз».

Дио меж тем неторопливо выбирал ткань. Клодия решила подождать, пока он покинет рынок, и тогда уж они поговорят о его секретах! Да как он смеет что-то скрывать от тех, кто его приютил? От тех, кто его выходил! Скрывать что-то от отца, который раскрыл перед ним душу – обучил кукольному делу!

Дио кивнул продавцу, протянул ему несколько монет, свернул выбранную ткань валиком, сунул за пазуху и пошел. Вдруг остановился. Наклонился и что-то подобрал с земли. Подкинул

в воздух апельсин, который обронил Стручок, поймал, усмехнулся и направился вдоль товарных рядов к выходу.

* * *

Клодия нагнала Дио в пролеске, дернула за рукав – валик выпал из-за пазухи, размотался, и ткань короткой дорожкой выбежала на землю.

– Да как ты смеешь! – крикнула Клодия.

Дио поднял ткань, отряхнул ее от налипших еловых иголок и сухих остатков листьев.

– Смею что? Ронять ткани в грязь?

– Кто этот Стручок?!

Дио притворно нахмурился, двумя пальцами аккуратно вытащил из ткани застрявшую веточку.

– Этот?

– Парень на рынке с лицом, как будто его двумя утюгами приложили – с одной и с другой стороны!

Дио ухмыльнулся.

– Действительно похоже. Никогда не думал о нем в таком ключе.

– Кто он? И почему ты боишься его?

Клодия подчеркнула слово «боишься». Он испугался, она видела! А вот она ничего не боится. Ничего и никого!

– Потому что он страшный, нет? С лицом-то, ударенным утюгами.

– Ты умеешь нормально разговаривать? – взбесилась Клодия. Да как он смеет не злиться и не оправдываться! – Я видела, как ты спрятался!

– Ну и что?

– Как «что»? – на миг растерялась Клодия. – Когда совесть чиста, не прячутся.

– А кто тебе сказал, что у меня она чиста? – улыбнулся Дио и протянул к Клодии руку, та от неожиданности отпрянула. Дио разжал пальцы. – Апельсинку будешь?

Клодия с размаху ударила Дио по руке, апельсин покатился по тропинке.

– Ты обманываешь нас! Мы ничего о тебе не знаем! Даже какой-то Стручок с лицом богомола знает больше! Отец выходил тебя, спас от смерти, а ты врешь ему! Лжец!

Глаза Дио блеснули. Клодия отступила на шаг.

Дио сжал челюсти. Сердце Клодии подпрыгнуло к горлу и с размаху ухнуло вниз.

Дио молча развернулся и направился к трейлеру, цветастый бок которого уже виднелся вдалеке, за ветвями.

Клодия вдохнула несколько раз подряд, забывая выдохнуть. Когда Дио ушел достаточно далеко, крикнула:

– И не смей больше носить меня на руках! Никогда! Слышишь?

Он не обернулся.

Апельсин закатился под куст жимолости – Клодия не сразу нашла. А когда нашла, вцепилась в него ногтями. Хотела раздавить – так, чтобы сок тек по руке, по локтю, капал на ноги, впитывался в землю. Чтобы разъедал ладони своей кислотой – чтобы чувствовался. Воткнуть в него пальцы! Уничтожить!

Не хватило сил.

* * *

Клодия вернулась с липкими руками и без апельсина. Увидела отца и почувствовала боль в ступнях: они совсем разбились о камни дороги и оголенные корни деревьев в пролеске. Не ощущала свои необутые ноги, когда неслась за Дио.

Отец вздохнул, увидев.

– Дио, перевяжи Клодии ноги, – сказал он негромко в сторону открытой двери трейлера.

– Нет! – крикнула Клодия.

– Сядь, – приказал отец.

– Он меня не тронет!

– Да что с тобой опять?

Клодия встретила взглядом с Дио. Серые глаза смотрели на нее из нутра трейлера с непонятым выражением. Глаза злились? Ненавидели? Или наоборот – почти жалели? Вечно в его взгляде больше, чем в словах и даже поступках! Отец этого не замечает, а она, Клодия, знает: Дио не такой, каким кажется. Если отец попросит его перевязать ноги Клодии, он безропотно сделает. Но глаза останутся такими же, как если бы сама кровь обрела свободу и могла прямо глядеть миру в лицо, а не только слепо биться кровавым кулаком-сердцем в груди человека: «Выпустите из этой тюрьмы!»

Дио появился перед Клодией с бинтом и коричневым пузырьком в руках.

– Я сама! – Клодия выхватила у него бинт и пузырек и принялась неистово втирать жидкость в царапины на ступне. Было больно, раны обжигало, но Клодия сделала вид, что не больно и не обжигает. Лишь покрепче стиснула зубы. Представила, как бы это сделал Дио: аккуратно, почти нежно. И заводила уже алым от крови бинтом по ноге ожесточенней.

* * *

– К каждой кукле нужен подход. Ключ. Особое настроение. Кукла умеет любить. И должна полюбить твою руку.

Клодия сидела на кровати, подобрав под себя ноги. Перед ней, прямо на полу, расположились Жаф и Дио. На них с потолка тусклым засыпающим глазом смотрела лампа. Жаф взял руку Дио и повернул ладонью к свету.

– Эта рука – душа куклы. Без руки кукла умирает. Едва начинается представление – вот уж поднят занавес! – кукла рождается, одухотворенная рукой.

Каждый вечер перед сном Жаф давал уроки Дио и Клодии. Многие мысли он повторял из раза в раз, оттого Клодии казалось, что она с младенчества знает о куклах всё. Когда она напоминала отцу, что слышит его слова, наверное, в сотый раз, он просто продолжал рассказывать дальше.

– Попробуй. – Жаф надел на руку Дио перчаточную куклу-клоуна.

– Перчатка – самое легкое. Дай ему марионетку, – подала голос Клодия.

Жаф пропустил мимо ушей комментарий дочери. Он смотрел на Дио.

– Что ты чувствуешь?

– Я ведь уже управлял перчаточной куклой и... – начал Дио.

– Нет, что ты *чувствуешь*? – перебил Жаф.

– Свою руку внутри куклы. Прикосновение ткани к коже.

Жаф снял с его ладони клоуна.

– А так?

– Ничего. Воздух.

– Неправильно чувствуешь. А теперь, – Жаф вновь надел клоуна на руку Дио, – ощути куклой руку, а не наоборот. Твоя рука – это душа куклы. Именно она делает ее живой, эмоциональной, ранимой. Заметь в теле куклы душу.

Клодия не сводила взгляда с Дио: как он поворачивает клоуна на руке, как наблюдает за ним. Брови его сосредоточенно сдвинулись. Клодии захотелось провести пальцем по каждой его брови – словно заново нарисовать их черной краской. Провести пальцем по губам – сотворить эти светло-алые причудливые фигуры. В свете лампы лицо у него как фарфоровое. А по бокам лица и на лбу – черные завитки волос из дорогих шелковых ниток. И пуговица.

Пуговица.

Клодия снова увидела пуговицу на кожаном шнурке на левом запястье Дио, и в груди у нее шевельнулся черный червяк.

– ...потому что нужно любить куклу. Тогда и она полюбит тебя. Полюбить – значит одухотворить. Понимаешь? – поучал тем временем Жаф.

– Понимает! – хрипло выкрикнула Клодия. – Он и так любит куклу! Дэльфу! Но что-то этот кусок дерева пока не одухотворился от его любви!

И выскочила за дверь, с силой хлопнув ею.

Пока бежала через пролесок к озеру, слышала, как отец позвал два раза: «Клодия», потом что-то пробормотал. И затих. Видать, вернулся в трейлер – дальше учить Дио любить куклу.

Клодия опустилась на берег озера.

– Я ненавижу его, Клод, – проговорила она жалобно. – Ненавижу, ненавижу, ненавижу, – повторила, но громкое слово не сделало своего дела.

Клодия больше не злилась, ей стало грустно. Ночной колдун в синем кафтане склонился над ее головой и блестел лунной-моноклем, изумленно изучая печальную девочку на краю озера.

– Эта деревяшка, которая была с ним, когда мы нашли его обессиленным, обескровленным у большой сосны... Его невеста. Недоделанная кукла по имени Дэльфа... у нее не всегда было лицо, Клод. Я расскажу тебе, как родилось лицо Дэльфы.

Глава 7

– Расскажите подробнее? – участливо предложила психолог.

Пиа разглядывала свои руки. Сжимала и разжимала пальцы. На ладонях были линии – неужели они определяют судьбу? Пиа провела пальцем по этим линиям. Ладонь – словно карта дорог. Но куда ведут эти дороги? И зачем они? А если некуда больше идти? Зачем тогда эти дороги на руках?

– ...не трудно. Если не можете говорить или не хотите – помолчим. Здесь всё для вашего блага, – доброжелательно кивнула психолог, и Пиа подняла на нее взгляд. Всё для ее блага? Пиа огляделась.

На стене висела картина. На картине – домик с тремя окнами, как-то странно расположенными – треугольником: на первом этаже одно окно, на втором – два. Этаким уродцем среди домов. Пиа не замечала картину в предыдущие посещения.

– А, эм-м... – сказала Пиа.

– Да-да? Хотели что-то спросить? – несколько раз подряд крайне доброжелательно кивнула психолог.

– Эта картина. Она здесь всегда была?

– А, что? Картина? – Та рассеянно глянула на стену и снова кивнула. – Да, конечно.

– А что на ней изображено?

– На ней? Хм...

– Дом? С тремя окнами? – Пиэ казалось почему-то, что это важно. Дом с тремя окнами.

– Похоже, что вы правы: на картине дом с тремя окнами, – улыбнулась психолог. – Должно быть, вам не хочется отвечать на мой вопрос, поэтому вы заметили картину.

– А какой был вопрос? – произнесла Пиа, все еще разглядывая диковинный дом.

Почему в кабинете психолога висит именно эта картина? Просто так? Кто и как выбирает картины для кабинетов? Неужели этот человек вот так просто приходит в магазин и тычет пальцем в первую попавшуюся: «Эту»? Продавец спрашивает, для какого интерьера ему, а тот отвечает: «Для кабинета психолога». Продавец аккуратно заворачивает картину, чтобы стекло не повредилось при перевозке, и услужливо смотрит вслед уносящему в обертке дом с тремя странными окнами, пока за ним не звякнет колокольчиком – громче, чем хотелось бы, – дверь.

– Вы меня совсем не слушаете, – еще раз повторила психолог, и Пиа перевела взгляд на нее.

Психолог улыбнулась, собрав в уголках губ по букетику тонких морщин. Пиа поняла, что не замечала и этого тоже: ее улыбка рождала букетики без листьев и без бутонов.

– Если бы вы открылись хоть немного, я смогла бы вам помочь.

– Мне не нужна помощь.

– Это вы так думаете, Пиа, – осторожно произнесла психолог. – Повторяющийся кошмарный сон – это знак, и весьма существенный. Сигнал, который сообщает: мне нужна помощь. Даже не сообщает – он кричит об этом.

– Мне не нужна помощь.

– Пиа, вы выполнили упражнение, которое я советовала? Писали свои переживания на листке бумаги?

– Нет. Мне это не нужно. – Пиа мотнула головой. – Нет. Мне не нужна помощь психолога. Мне нужен... – Глаза Пиэ забегали. Пальцами она сжала подлокотник кресла, в котором сидела. Посмотрела на картину.

Дом с тремя окнами – одно на первом этаже, два на втором – что-то шутовское в этом. Первое окно казалось одиноким. Пиа одернула себя: какие глупые мысли. Попыталась вспомнить, о чем же она только что думала. О чем...

– Ах да, – проговорила Пиа. Психолог подняла брови. – Мне нужен...

* * *

Приезжий цирк мог расположиться только в центре города. В Мраморном парке – там, где по выходным ставят уличные спектакли.

Пиа обошла пустую круглую сцену несколько раз. Рисунок на мраморных подмостках напоминал трещины. К сцене сходились все дорожки парка – серые, окаймленные рядами черных фонарей. На одном из фонарных столбов Пиа заметила потрепанную ветром красочную афишу. «Всем-всем-всем! – помахивала оторванным краем афиша. – Только три дня! Цирковое шоу “Яркие лица”! Спешите видеть!» Место – Мраморный парк. Дата последнего представления – вчерашняя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.